

Азарко, О.В. Историко-культурный компонент в лингвистической подготовке учителя начальных классов / О.В.Азарко, Н.В.Жданович // К мудрости ступени: материалы Международной конференции “Чтения Ушинского” (Ярославль, 3-4 марта 2008 г.) – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008.– С.117-125.

О.В. Азарко, Н.В. Жданович

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Реформирование школьного образования, которое проводится в Республике Беларусь, самым тесным образом связано с реформой высшей школы и обуславливает рост требований, которые предъявляются к выпускникам ВУЗа. Компетентный подход, определяющий конечный результат подготовки любого специалиста, приобретает еще большую значимость в учреждениях образования педагогического профиля.

Личностью учителя во многом определяется успешность педагогической деятельности, поэтому проблемы совершенствования подготовки учителя обсуждаются на научных конференциях, методических семинарах и разрабатываются как кафедральные темы в педагогических вузах. Приоритетной целью образования становится развитие личности, готовой к взаимодействию с окружающим миром, самообразованию и саморазвитию. Не случайно на первый план выходит профессиональное и личностное развитие педагога и формирование его социально-профессиональной компетентности, позволяющей сочетать академические, профессиональные, социально-личностные компетенции для решения задач в сфере профессиональной и социальной деятельности.

Инновации в современном образовании, направленность его содержания на развитие духовно-нравственного мира и повышение

ценностно-ориентационной культуры учащихся создали в нашей республике условия для перехода от знаниецентрической к культуросообразной школе и определили ориентацию современного педагогического процесса на образование с позиций личностно ориентированного и культурологического подходов [8, с. 3]. Одним из векторов работы учителя в этом направлении должно стать углубление историко-лингвистических знаний учащихся, ведь, как говорил К.Д. Ушинский, в языке отражается жизнь народа и именно язык является основой национальной памяти и ключом к пониманию духовного мира человека.

Особую значимость приобретает историко-культурный компонент в лингвистической подготовке учителя начальных классов в нашей республике, поскольку жители Беларуси являются представителями смешанной языковой среды. В Республике Беларусь государственными являются два близкородственных языка: русский и белорусский. С одной стороны, ситуация близкородственного двуязычия создает благоприятные условия для понимания русской и белорусской речи, а с другой стороны, формирует ложное представление о владении этими языками и осложняет усвоение языкового материала. Для младших школьников параллельное изучение родного и русского языков становится довольно проблематичным, поскольку они бессознательно переносят сведения о фонетических и лексико-грамматических единицах одного языка на другой. Сложность обучения в условиях двуязычия заключается в том, что учащиеся порой не осознают близкородственные русский и белорусский языки как части разных лингвокультурных моделей, имеющих общие корни, но различные пути становления и развития и, в силу этого, отражающих особое этноязыковое видение мира. Не всегда даже учитель может объяснить эти различия, поскольку его подготовка не

предусматривает включения подобной информации как обязательного компонента.

На занятиях по русскому/ белорусскому языку, изучая совпадающие в этих языках единицы, студенты могут и не обратить внимания, какие семантические и стилистические различия существуют в значениях слов, а уж тем более какие связи в прошлом и настоящем между ними прослеживаются.

Например, общеславянское слово *плоть* сохранилось и в русском, и в белорусском языках, но в настоящее время русск. *плот* ‘скрепленные бревна для сплава их по воде или переправы’ и бел. *плот* ‘забор, плетень’ являются межъязыковыми омонимами. По семантическим и фонетическим причинам русск. *плот* (паром), имеющее тот же корень, что и *плыть*, слилось с существительным *плоть* ‘забор, связанные для сплава бревна’ [5, с. 344, а в белорусском языке для обозначения забора и связанных бревен для переправы, сплава употребляются слова с разными корнями:

Русский язык	Белорусский язык
плот	плыт
забор, плетень	плот

Кроме того, одни и те же общеславянские слова в русском и белорусском языках могут иметь различное семантическое наполнение. Носителям русского и белорусского языков известны такие значения слова *паук*, как: 1. членистоногое животное, плетущее паутину; 2. перен. жестокий человек, эксплуататор; 3. вид рыболовной снасти [7, т. 9, стб. 310-311], [9, т. 3, с. 478]. Семантика белорусского слова включает еще одно значение (‘традиционное украшение жилища’), которое связано с мифопоэтической традицией. Наши предки верили, что пауки охраняют семью и ее достаток, приносят счастье, а их появление в доме – хорошее предзнаменование [1, с. 350-351], поэтому и украшали свои дома *пауками* – объемными соломенными конструкциями различной формы:

шароподобной (напоминает солнце с расходящимися лучами), ромбической (ромб – символ урожайности и плодородия), звездоподобной.

Для каждого языка характерны свои концепты и историко-культурные коннотации слов, и даже такие близкородственные языки, как русский и белорусский, имеют свою специфику и свои слова-символы.

Неофициальным символом Беларуси является *картофель* (*бульба*), да и белорусов нередко называют «бульбашами». Большинство носителей белорусского языка воспринимает слово *бульба* как исконно белорусское – и ошибается. Это слово заимствовано с польского языка, в свою очередь, польские *bulba*, *bulwa* происходят от немецкого *Bolle* (‘клубень’, ‘луковица’) или латинского *bulbus* (‘луковица’) [10]. Этот же корень в литовском *bulves* и чешском *bulva*. Слова *картофель* (русское) и *картопля* (украинское) тоже заимствованные, но с другого языка: по одной версии – из итальянского (*тартуффоли* – ‘трюфели’), а по второй – из немецкого (результат соединения слов *крафт* – ‘сила’ и *тойфель* – ‘дьявол’).

Фольклорные произведения (загадки, приметы, пожелания) отражают закрепленную в сознании белорусов связь *картофеля* с такими понятиями, как *хлеб* (*бульба – другі хлеб; бульба – хлебу падмога*), *плодовитость* (народная примета: *если первые клубни посадит в землю беременная женщина, то урожай будет богатый*), *память, культ предков* (народная примета: *картофель надо засыпать в погреб в тот день, в который умер кто-нибудь из родственников, чтобы помогли с того света*), *жизнь* (загадка *Стаіць дуб, пад дубам дзеці*: дуб – мифопоэтический символ силы и вечной жизни, а дети – символ продолжения жизни, символ плодovitости); *сила* (народная примета: *чтобы картофель лучше рос, первую борозду сажил мужчина*), *богатство* (пожелание “*Каб нам жылося, былося, каб у нашай бульбе калоссе вялося*”), *труд* (в народном танце “Бульба” средствами хореографии показан труд женщин, которые

садят, выращивают, копают картофель), *спасение* (устойчивые выражения “*Ястраб у небе – куры ў бульбу*”, “*хавайся ў бульбу*”).

К сожалению, наши современники в большинстве своем не владеют этой культурологической информацией, что выявил опрос 100 случайных респондентов. В сознании опрошенных слово *бульба* ассоциировалось с картошкой (30), Беларусью (12), едой (9), чипсами (9), драниками (8), водкой (5), деревней (4), колорадскими жуками (3), агрогородками (2), Тарасом Бульбой (2), студентами, Родиной, университетом, бабушкой, МакДональдсом, носом, праздником, грядками, хлебом.

Любое современное языковое явление имеет свою историю, поэтому его грамотная интерпретация немислима без ретроспективного взгляда. Принцип историзма является общедидактическим, поэтому и в языковом образовании должен присутствовать: «историзм рождает уважение к языку как к величайшему человеческому достоянию и предохраняет от поверхностно-примитивных взглядов на родную речь» [2, с. 126].

«Генетическую память языка» помогает воскрешать этимологический анализ. Недаром этимологию называют лингвистической археологией, поскольку она позволяет носителям языка узнавать о представлениях и верованиях предков, о фактах и событиях далекого прошлого. Благодаря воскрешению первоначального значения слова «обретают ясность десятки разобщенных правил и исключений» [2, с. 3].

Как ни парадоксально, но исторический комментарий в школе дается спорадически, произвольно, а то и вовсе отсутствует. К сожалению, учитель приводит этимологические справки, как правило, в двух случаях: во-первых, когда речь идет об устаревших словах или исторических выражениях, во-вторых, когда речь идет о заимствованиях. Справедливо в этом отношении высказывание Циприана Норвида [3]:

И хоть все говорим, но не все мы готовы,
Чтоб спросить себя, как же читается слово

Изнутри, и судьбы его дальний полет

Разглядеть, полюбить только редкий дерзнет.

(перевод О.Н. Трубачева, академика РАН)

Даже понятные всем слова имеют свою судьбу и могут рассказать гораздо больше, чем мы о них знаем. Достаточно вспомнить детские сказки и фразы из них: «*Направо* пойдешь – счастье найдешь», «*Налево* пойдешь – коня потеряешь» и т. п. Почему то, что справа, сулит удачу, а то, что слева, грозит бедой? Оказывается, *правый* в древности означало ‘правильный, честный, хороший’, а *левый* – ‘ложный, нечестный’. До XV века русские люди не ассоциировали со словами *левый* и *правый* направления (для этого были слова *шуий* ‘находящийся слева’ и *десный* ‘находящийся справа’), поэтому левая сторона в сказке – это сторона злой силы, левый царь – недобрый царь, левая часть – подземное царство [4, с. 3]. Не случайно несчастья подстерегают того, кто идет налево («налево пойдешь – смерть найдешь»), и минуют того, кто идет направо. Зная этимологию, даже ребенок может ответить о различиях направлений, выбранных сказочным героем, и уже с точки зрения того, что такое хорошо и что такое плохо, оценить его поступки.

Многие программные произведения остаются в памяти на всю жизнь, однако правильно ли мы их понимаем, соответствуют ли наши представления авторскому замыслу? В начальной школе формируются познавательные умения и навыки ребенка, одним из которых является осознанное чтение. Если ребенок не научится останавливать свое внимание на незнакомых, непонятных или малопонятных словах, а будет пропускать их, понимая основное содержание текста и опуская так называемые «мелочи», у него выработается пагубная привычка читать вскользь, по диагонали. Решению этой проблемы помогает исторический взгляд на слова и выражения, которые встречаются в произведениях художественной литературы, поэтому учитель должен не только владеть

историко-культурной информацией, но и уметь использовать ее на уроках литературного чтения.

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Эти строки из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» знает практически каждый человек, но слово *лукоморье* для многих на всю жизнь остается каким-то загадочным сказочным местом и не более. Однако *лукоморье* – очень древнее слово, которое встречается и в фольклоре, и в летописях. Означает оно ‘извилистый морской берег или морской залив’ и является сложно-суффиксальным образованием от слов *лука* – буквально ‘дуга, кривизна’ (ср.: *лукавый* – ‘хитрый, коварный’) и *море* (*лук-о-мор-ј-э*). Сейчас слово *лукоморье* вышло из употребления и встречается только в художественных произведениях, хранящих немало слов, которые без исторического комментария не позволяют читателю проникнуть в суть авторского замысла.

«Не хочу быть черною крестьянкой, Хочу быть *столбовою* дворянкой...» – говорит старуха в «Сказке о рыбаке и рыбке». А.С. Пушкин одним словом раскрывает всю нелепость ее притязаний: старуха хочет стать не просто дворянкой, а непременно *столбовою* – дворянкой потомственной, из старинного рода (столбовые дворяне имеют генеалогическое древо (столп) и их дворянство проходит через несколько поколений) [6, с. 108-109]. Не зная этой исторической детали, мы теряем существенную часть информации.

Этимологическая работа в начальной школе имеет огромное пропедевтическое значение, поскольку позволяет ребенку увидеть структуру слова, его внутреннюю форму, а в дальнейшем поможет проводить проверку написания. Зная, что слово *вентилятор* пришло к нам

из французского языка (фр. *ventilateur* образовано от глагола *ventilare* – ‘проветривать’) и обозначает устройство для проветривания, для подачи потока воздуха, ребенок может легко усвоить, как оно пишется. *Вентилятор – проветривать, ветер* – даже ассоциации, связанные со словарным словом, помогают лучше справляться с орфограммой. Обращение к истории слова *портфель* также предупреждает орфографическую ошибку: *портфель* восходит к лат. *porto* ‘носить’ и является родственником слова *портмоне*.

Согласно М.Р. Львову, в начальной школе половина новых слов входит в словарь учащихся через уроки языка и литературы. Важно помнить, что если благодаря этимологическому экскурсу ребенок осознает значение слова в современном языке, ему будет легче ввести его в свой словарь и пользоваться им в устной и письменной речи. От глубины проникновения в семантику зависит дальнейшая судьба слова: войдет ли оно в активный словарь учащегося или останется в пассивном запасе. Благодаря этимологическому анализу открываются первичные, образные значения слов, а мышление младшего школьника, как известно, образно. Это свойство детской психики позволяет значительно сократить количество слов для заучивания и способствует «тематическому» упорядочению слов в сознании ребенка.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что лингвистическая подготовка студентов факультета начального образования должна строиться на основе новых подходов и принципов обучения, способов и форм представления языкового материала, обязательно включающих историко-культурный компонент.

Литература

1. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.. – Мінск: Беларусь, 2004.– 592 с.

2. Глинкина Л.А., Чередниченко А.П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сборник таблиц, упражнений, материалов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 208 с.
3. Из истории русских слов: Словарь-пособие. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
4. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. – М.: Изд-во «АКАЛИС», 1994. – 169 с.
5. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: «Просвещение», 1975.
6. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И. Мир родной речи (Беседы о русском языке и культуре речи). – М.: «Знание», 1972. – 160 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
8. Стремек И.М. Обновление содержания общего начального образования // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. – 2007. – № 3. – С. 3.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977-1984.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1. А-Б / Рэд. В.У. Мартынаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 344 с.